

Иван
Просветов

Иван
Просветов

ВЕРБОВЩИК

*Подлинная история
легендарного
нелегала
Быстролетова*

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П76

Оформление переплета – *Владимир Мачинский*

В издании использованы фотографии из фондов
«Музея политической истории России»

Просветов, Иван Валерьевич.

П76 Вербовщик. Подлинная история легендарного нелегала Быстролетова / Иван Просветов. – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. – 365, [3] с. – (Исторические биографии).

ISBN 978-5-17-136158-7

Иван Просветов – историк по образованию, журналист, с 2008 года – редактор Forbes. Автор биографий-расследований «Крёстный отец Штирлица» и «Десять жизней Василия Яна».

Биография легендарного разведчика-нелегала Дмитрия Быстролетова похожа на остросюжетный фильм. Внебрачный сын графа из рода Толстых, эмигрировавший вместе с белогвардейцами моряк, в тоске по Родине он принял спустя время власть Советов и добровольно стал ее агентом в Европе. С поразительной ловкостью, наглостью и удачей меняя личины (русский студент, греческий коммерсант, венгерский граф, английский лорд, агент японской разведки), он провел десятки операций в разных странах – от промышленного шпионажа и получения шифров иностранных разведок до вербовки информаторов и перехвата переписки Гитлера и Муссолини (ради последнего пришлось выдать замуж за итальянского полковника... свою собственную жену).

Ежедневно рискуя собой ради далекой, но родной страны, он прожил под масками более 10 лет – а вернувшись домой, угодил под каток 38-го года и следующие 16 лет провел в тюрьмах и лагерях...

Автора драматического романа с подобной фабулой упрекнули бы в излишней фантазии и неправдоподобии: «так не бывает».

Но дело в том, что всё это так и было.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Просветов, И.В.
© Мачинский, В.Н., оформление
© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-136158-7

Оглавление

<i>Михаил Любимов. Победитель не получает ничего</i>	7
<i>«Я рад, что родился таким...»</i>	11
Глава первая Графский сын	17
Глава вторая Трижды беглец	39
Глава третья Превращение	73
Глава четвертая Слово «надо»	107
Глава пятая Виртуоз	153
Глава шестая «Приговор окончательный...»	208

Глава седьмая	
Путь к себе	255
Глава восьмая	
Человек в штатском	298
<i>Примечания</i>	329
<i>Список псевдонимов и агентурных имен Дмитрия Быстролетова</i>	348
<i>Указатель имен</i>	349

Победитель не получает ничего

Вся страна знает непревзойденного разведчика Штирлица, которого собирался наградить сам Брежнев, — но не многим известно, что Юлиан Семенов написал еще и роман «Отчаяние», где Штирлица отправляют в каталажку, предварительно репрессировав его жену и сына. Судьбы великих советских нелегалов 1920–1930 годов фантастичны и в большинстве своем трагичны, и самое ужасное, что на многих репрессии обрушились не со стороны врагов (это было бы честью!), а от рук своих вождей и соратников.

Такова жизнь Дмитрия Быстролетова — блестящего разведчика-нелегала, человека огромной энергии, храбрца и авантюриста, талантливого писателя, автора много-томных художественных произведений (кстати, непризнанного нашим литературным сообществом — видимо, по причине его чекистского прошлого). Он не принадлежал к большевистской гвардии дореволюционных подпольщиков, вырос отнюдь не в пролетарской среде, но перепробовал множество ролей и занятий — в том числе чернорабочих, пока его не «закадрила» советская разведка.

Нелегалы — в отличие от разведчиков, работающих под «крышей» дипломатов или корреспондентов, — проходят очень сложную и длительную подготовку. Но бывают, можно сказать, разведчики от бога — они готовят сами себя, их учит жизнь.

ИВАН ПРОСВЕТОВ. ВЕРБОВЩИК

Автору книги «Вербовщик» удалось воистину вгрызться в хитросплетения жизни и деяний Быстролетова: тут и его непростой путь в разведку, и умелый маскарад (и под английского лорда, и под венгерского графа), и смелые переезды по «липовым» документам, и величайшая жертвенность, когда во имя Дела пришлось отдать свою любимую жену другому...

Иван Просветов обладает вкусом к деталям, что делает вроде бы академическую книгу приключенческим романом с захватывающей интригой. Жизнь Дмитрия Быстролетова, в общем-то, именно такой и была — настоящим авантурным романом. Чего только стоит его успешная работа с иностранными шифровальщиками, этими жар-птицами разведки, когда в руках советского правительства оказывались совершенно секретные документы — важнейшее оружие в международной политике.

Карающий меч сталинских репрессий ударил в 1937 году внезапно и беспощадно. Дмитрию Быстролетову повезло выжить, он просидел в лагерях до самой смерти вождя. А затем работал научным сотрудником в одном НИИ под присмотром КГБ. Но свой яркий след в истории разведки и нашего отечества он оставил.

*Михаил Любимов,
полковник внешней разведки в отставке*

*Памяти отца, учившего меня
искать и думать*

«Я рад, что родился таким...»

Дмитрий Быстролетов, мастер легендирования и перевоплощений, предупредил насчет своих воспоминаний:

«Никто меня не только не уполномочил раскрывать секреты, но даже не разрешал писать вообще, и поэтому я принял меры к тому, чтобы сказать нужное и в то же время ничего не раскрыть.

<...> Кальдерон когда-то сказал, что в этой жизни всё правда и всё ложь. Я утверждаю обратное: в этой жизни нет ни правды, ни лжи. Точнее, у меня описана святая правда, но так, что каждое слово описания — ложь, или наоборот — описана ложь, где каждое слово — настоящая правда!»¹

Сделал он это настолько убедительно, что даже у специалистов по истории разведки не возникло желания перепроверить его рассказы и разобраться, кем же все-таки был и что делал их автор.

Его рассекретили в 1988 году в сборнике «Чекисты» серии «ЖЗЛ», но в самых общих чертах: «выдающийся человек», «сделал много полезных дел для Родины», причем избранные факты перемешали с вымыслом.

Возможно, этот портрет стал бы каноническим, если бы не литературно-мемуарное наследие Быстролетова — свыше 2000 машинописных страниц, по большей части лагерной прозы. Как и других выдающихся нелегалов, его не миновал арест; в тюрьмах и лагерях он отсидел 16 лет. В начале 1970-х, работая редактором в НИИ, Дмитрий Александрович сочинил сценарий для кинофильма и приключенческую повесть о разведчиках. Автобиографические книги он писал без расчета увидеть напечатанными. Рукописи семи повестей были подарены Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, где сразу же попали в спецхран. Копии некоторых книг Быстролетов отдал людям, которым доверял, и весной 1989 года — перестройка! — их фрагменты «всплыли» в журналах «Советский воин» и «Кодры». В том же году рукописи из спецхрана перевели в открытый доступ, и публикации о Быстролетове появились в ленинградской «Смене» и московском «Собеседнике».

КГБ ничего не оставалось, как признать — да, такой разведчик существовал. В 1990 году «Правда» напечатала серию статей о Дмитрие Быстролетове: корреспонденту главной газеты страны дали ознакомиться с некоторыми документами из личного дела агента Ганса. Ну а дальше... Сергей Милашов, приемный внук Быстролетова, озаботился полноценной публикацией уцелевших рукописей с комментариями. В 1990-е они издавались по отдельности и сборниками, а в 2012 году — как семитомное собрание сочинений под названием «Пир бессмертных».

Почти всё, что сказано о Быстролетове на бумаге, в эфире и интернете — сотни статей, глав и сюжетов в книгах по истории разведки, четыре квази-документальных фильма и многочисленные упоминания в теле- и радиопередачах о шпионаже, — опирается на эту мемуарную прозу и в разной мере наполнено домыслами. Дело агента Ганса после сотрудника «Правды» и Милашова из гражданских лиц не видел больше никто. Гласность в этом вопросе закончилась на книге «КГБ в Англии», написанной подполковником СВР в отставке Олегом Царевым — он опублико-

«Я рад, что родился таким...»

вал выдержки из сообщений и отчетов резидентуры, в которой работал Быстролетов. Книга вышла в 1999 году небольшим тиражом и не переиздавалась. Когда готовились официальные «Очерки истории российской внешней разведки», то для главы о Быстролетове составители взяли фрагмент одной из его повестей, отметив, что документальные материалы о работе «Мастера высшего пилотажа» никогда не станут достоянием общественности, поскольку содержат данные высочайшей секретности.

Для разведчика пять лет активной работы за кордоном — это уже много, десять — очень много. Дмитрий Быстролетов переступил за «очень». Он играл роли русского студента-эмигранта (кем сперва и был на самом деле), греческого коммерсанта, венгерского графа, английского аристократа, кого-то еще — и ни разу не провалился. Работал в Праге, Лондоне и Женеве, появлялся то во Франции, то в Голландии или Австрии — границ для него, по сути, не существовало. Имя Быстролетова занесено на мемориальную доску Зала истории внешней разведки в штаб-квартире СВР.

«Сильная, исключительно сильная личность, перво-классный разведчик, — вспоминал полковник Первого главного управления КГБ СССР Павел Громушкин. — Он умел везде так приспособиться и войти в образ, что становился органической частью окружения». ²

«Мы, нелегалы, живем двумя или большим количеством биографий: официальной, легендой и реальной. Я и сам не знаю, какая из них сейчас у меня и какая жизнь в моем будущем», — признался однажды другой легендарный разведчик, только послевоенного времени. ³

Репортер «Комсомольской правды» Валерий Аграновский встречался с Кононом Молодым как по инициативе КГБ (интервью не было опубликовано), так и неофициаль-

но — по желанию Молодого. Во время неспешных прогулок и бесед журналисту показалось, что его визави истосковался по слушателю, но в итоге понял:

«Мой герой никогда и никому не говорил и не скажет правды о своей профессии, о себе и своем прошлом. Он — терра инкогнита, творческий человек, живописно рисующий собственную судьбу».⁴

Я вспомнил эти слова, когда погрузился в нюансы биографии Дмитрия Быстролетова. Всё началось с его эмигрантского студенческого дела, увиденного в Государственном архиве РФ. Ранее известные факты оказались не вполне фактами, и тонкая папка с пожелтевшими бумагами превратилась в ту самую ниточку, с которой разматывается клубок. Руководство Центрального архива ФСБ России предоставило мне возможность изучить двухтомное следственное дело Быстролетова, которое прежде не выдавалось исследователям (за исключением некоторых документов, где была сохранена секретность). По ходу расследования интересные материалы обнаруживались в иных российских архивах и библиотечных фондах, а также в рассекреченных материалах британской контрразведки MI-5. Выяснилось, что реальный путь Быстролетова в разведку был сложнее и извилистее, а личная трагедия (арест, обвинение, следствие, суд) — тяжелее, чем представлялось.

В итоге получилась книга не только о разведке, ее истории, людях и методах. Где-то на середине своей работы я понял, что пишу документальный роман о жизненном выборе и плате за этот выбор. Дмитрий Быстролетов был из числа тех эмигрантов, кто поверил в примирение после гражданской войны и необходимость работать на благо родины — строить новую жизнь в новом народном государстве. В силу своего характера и личных обстоятельств выбрал тайный фронт его обороны. Быстролетов начал с участия в разложении белой эмиграции — враждебной и потому опасной.

«Я рад, что родился таким...»

Примерно в то же время на советскую разведку согласился работать Павел Дьяконов — бывший военный агент России в Великобритании, офицер-фронтовик, награжденный Георгиевским оружием. Он перешел на сторону Советов, узнав о террористических планах руководства РОВС, и благодаря своему авторитету в эмигрантской среде блестяще выполнял задания из Москвы. Ходил буквально по грани, избежал провала, в мае 1941 года приехал в СССР, но вскоре был арестован. Лишь заступничество начальника внешней разведки спасло Дьяконова от несправедливого следствия. Однако другого «возвращенца» не пощадили. Белогвардеец-доброволец Сергей Эфрон, не сумевший жить в эмиграции, тоже заплатил особую цену — он использовался как активный наводчик-вербовщик и руководитель группы агентов. А затем плата удвоилась. В 1939-м, через пару лет после возвращения, Эфрона арестовали, обвинили в измене родине и приговорили к высшей мере наказания. Еще через два года — расстреляли. К Дьяконову судьба оказалась милостива — он скончался в 1943 году на службе, сопровождая эшелон с грузом для Красной Армии. Быстролетов вместо пули, доставшейся его учителям и начальникам по разведке, получил предельный срок заключения и вышел на свободу лишь после смерти Сталина — тяжело больным, но, как ни пафосно это звучит, преобразившимся человеком.

Всё, что ему оставалось после реабилитации (и это было немало!), — жить обычной гражданской жизнью: любить (у него снова появилась семья), работать (нашлось применение знанию нескольких языков), на досуге рисовать (Быстролетова приняли в Союз художников СССР). И вспоминать:

«Будь что будет — я пишу в собственный чемодан, но с глубокой верой в то, что когда-нибудь чьи-то руки найдут эти страницы и используют их для восстановления истины».⁵

Он ненавидел сталинизм за насилие над страной, великой идеей и теми, кто шел за этой идеей. После пережитого